

Можно надеяться, что хотя бы поверхностное, но личное знакомство с наиболее известными городами... когда-нибудь станет обязательным элементом культуры. Ничто не заменит личных впечатлений. Только они позволяют ощутить связь времён и почувствовать свою сопричастность.

Время стремительно, но порой оно томительно тянется. Движение его зависит от нашего состояния духа. Бывает, что порой целыми днями, неделями да и месяцами не получается ни единого радостного ощущения. Следствие этому – жизненная устойчивость безудержно идёт на убыль.

Мне повезло – я нашёл выход, чтобы избавиться от депрессии. Загорался, казалось бы, невероятной идеей, ставил цель и достигал её. В результате улетучивались чувства подавленности и беспокойства. Лекарем и наркотиком моим были и остаются путешествия. Уместно напомнить известнейшее выражение «Один день путешествия удлиняет жизнь на десять лет». А ещё есть выражение: «Каждому – своё!» Замечу, настоящим любителям путешествий движет любовь к перемене мест и открытию неизвестного. Ценители исклю-

живных путешествий предпочитают индивидуальные туры, чтобы не связывать себя сроками и иметь возможность самим планировать свой отдых, выбирая на своё усмотрение шик дорогих отелей или уют маленьких вилл...

У каждого города — свой мир, единственный и неповторимый. Париж не составляет исключения. Обычно в разноэтажных городах только передние дома и здания — они всё заслоняют собой. В Париже, вдоль улиц, здания расположены так, что они выглядывают из-за спин передних и на них не видно крыш. Это, по-моему, красиво. Соучастник красоты — особенный парижский камень. В любой стене он умеет сложиться так, чтобы выразить (подчеркнуть) свою индивидуальность. А не правда ли: где индивидуальность, там и — красота.

Если же более внимательно рассматривать здания, то можно разглядеть большую хитрость — под самой крышей подстроенный этаж. Крыша, как шапка, низко надвинутая на лоб здания, и в крыше прорезаны окна, за которыми располагается дополнительное жильё. Эти этажи — мансарды украшают не только дома Парижа. Я видел их во многих городах Европы. Парадоксально получается: вроде не видно крыш в Париже, а называют его городом крыш. Может, в этом торжество индивидуальности над безликой и серой массой сооружений других городов... И ещё особенность Парижа — он построен в основном из одного камня — белого и пористого. Вбирая в себя пыль, камень этот постепенно становится желтоватым, серо-жёлтым, дымчатым, серым и почти чёрным с фиолетовым отливом. Так вот по сгущённости тона можно определить возраст здания.

Первые впечатления, первые размышления. Они разрастались во мне по мере знакомства с городом и не затихли даже в очень старинном парижском саду Тюэльри, куда я

забрёл, уставший и возбуждённый. Первые же метры его территории убеждают, что это очень старый сад. Заложен он в XVI веке. Два века здесь красовался королевский дворец. В нём же низложили короля и созвали Генеральные штаты управления Франции, заседало Национальное собрание. Потом дворец опять стал дворцом короля, пока не сгорел во время Парижской коммуны.

Если до этого сокрушительного случая парижане гордились дворцом, то в настоящее время они в не меньшей степени гордятся зелёной обнажённой женщиной, что застыла в вечном молчании на газоне сада. Присоединяюсь к парижанам потому, что зелёная женщина – скульптурное изображение Дианы Верни – парижской певицы русского происхождения. Уже позже узнал, что ей, живущей в Париже, живущей сценой, при жизни поставили её скульптуру посреди городского сада. Что же – французские нравы. Постоял, оценил формы молодого тела и двинулся наугад по аллейке.

– Ба! — снова Диана Верни, за ней... третья и... четвертая... Все работы одного скульптора. Наверное, он очень любил эту женщину. Вот и лепил. Девятнадцать скульптур русской женщины!

И ещё я узнал: у этого скульптора фамилия Майоль. Был он старше Дианы на пятьдесят восемь лет, а ей — семнадцать. И ещё обстоятельство — большинство скульптур Дианы Майоль выполнил тогда, когда её ещё не было на свете.

Многочисленный реальный образ россиянки пробудил желание увидеть знаменитый парк, в котором часто бывали Марина Цветаева, Анна Ахматова... Парк называется Люксембургский. Считается одним из красивейших парков Парижа. Этой же оценки придерживался российский писатель Н. Карамзин. В «Письмах русского путешественника» он отмечал, что Люксембургский сад – любимое гульбище

французских авторов, которые в густых и тёмных аллеях обдумывали планы своих творений: «...приходил печальный Руссо говорить со своим красноречивым сердцем, и Вольтер в молодости нередко искал гармонических рифм для острых своих мыслей».

Остаётся добавить к природным красотам парка великолепный вид Люксембургского дворца. Он напоминает один из дворцов Флоренции.

Неспящий Париж, несмотря на поздний час, развлекается: вырисовывает плывущие по потолку моего гостиничного номера несуразные призраки своей жизни — передвигает то тени, то светлые пятна — отблески от проезжающих автомашин. Гудит ими город, перекрывая все остальные другие звуки и голоса прохожих. Лежу на спине с открытыми глазами — наблюдаю перемещение теней и света, мучительно воспринимаю неспящий Париж. Надо бы спать — не спится. Может, причина в беспокойной мысли: что писать о городе, о котором Хемингуэй сказал: «Праздник, который всегда с тобой...» А один из классиков заметил: «Увидеть Париж и умереть». Пусть умирает. Мне не понятно высказывание. Действительно Париж видеть — праздник. А праздники трудно описывать, не хочется повторяться. О Париже написано больше, чем о каком-либо другом городе.

Ну, что можно добавить, например, к написанному о Нотр-Дам де Пари (он же Собор Парижской Богоматери). Это действительно великое сооружение. Или опять же, например, Елисейские поля — столичная артерия движения бесконечного потока людей — место, которое задумано, чтобы не спеша по нему гулять, созерцать его, думать о своём, думать о возвышенном и... тратить большие деньги...

Эйфелеву башню — символ Парижа и Франции — вообще упускаю. Лишь позволю заметить: на всю оставшуюся жизнь

в мою память врезалась поездка на лифте башни до её верха. С этого башенного клотика открывается широкая панорама Парижа и Иль-де-Франс в радиусе где-то семьдесят километров. Чётко бросается поразительное сходство с окрестностями Москвы.

А Монмартр – Мекка артистической богемы, студентов и туристов! А блистательный белоснежный Сакре-Кер!.. винные погребки и маленькие уютные кафе на тротуарах! О величайшем музее мира Лувр и дворце французских королей в Версале вообще молчу – не нахожу слов.

Париж ни на секунду не даёт забыть о себе – не может уснуть: сполохи световых пятен на потолке продолжают перемещаться и исчезать. У меня тоже в голове перемещаются, исчезая, мысли и кто-то назойливо шепчет: «...не надо описывать то, о чём я уже сказал, и то, что ещё не успел... интереснее поделиться впечатлениями о местах в Париже, в которых побывали россияне», — затих уличный гуд, исчезли с потолка номера световые пятна.

Обласканный утренним солнышком, я бодро шёл по неизвестной мне улице. Я начал искать то, что не лежит на красивой поверхности Парижа. И, тем не менее, на противоположной её стороне узнаю здание «Клуба пятерых». В памяти всплыло событие, которое отлично знают пожилые парижане. Именно в этом здании встречались когда-то самые звёздные представители богемы. Заглядывала сюда и великолепная певица Эдит Пиаф. В этих знаменитых стенах она познакомилась с чемпионом по боксу Марселем Сарданом. Об их любви написано несколько волнующих книг.

Нет смысла пересказывать даже одну из них – я же определился рассказать о жизни россиян в Париже. Начну с поэта – громадины Владимира Владимировича.

Париж занимал особое место в его жизни. Он приезжал сюда несколько раз. Так, осенью 1928 года где-то здесь, на одной из культурных улиц Мекки Европы, поэт увидел русскую эмигрантку Татьяну Яковлеву и был сражён её красотой и молодостью. Непринуждённые манеры писательницы, сочетавшиеся со спокойной уверенностью в себе, очаровали Маяковского. Он тоже понравился Татьяне, и они быстро стали неразлучны. Здесь же в Париже Владимир Владимирович предложил Яковлевой руку и сердце, выражая страстное желание увезти её в Россию. Ответ был уклончив — окончательное решение обещалось до следующего приезда поэта в Париж.

Писатель Лев Никулин в своих мемуарах описал проводы Маяковского в Москву: «...поэт и высокая молодая красивая (это была Яковлева. — *Авт.*) долго расхаживали по перрону и оживлённо беседовали, прежде чем Маяковский вошёл в вагон поезда. Среди провожавших были Эльза Триоле (переводчица, с которой у Маяковского был одно время роман. — *Авт.*) с мужем, писателем Луи Арагоном и один общий знакомый — «ярый автомобилист».

В феврале следующего года Маяковский вновь оказался в Париже. Долгожданное свидание с Яковлевой оказалось радостным и одновременно грустным... Вперемешку радостных и грустных событий, преподносимых Татьяной Яковлевой, революционный бард России находил время для веселий в злачных кафе «Ротонде» или «Доме», клеймя разложившуюся буржуазию.

Любопытно, любуясь Нотр-Дамом, Маяковский находил, что знаменитый кафедрал удивительно подходит для культурно-развлекательного центра. Несерьёзно. Я возражаю Владимиру Владимировичу. Ненасытно вода видеокамерой по его величественным сводам и порталам, по его контрфо-сами зловещим чудовищам на крыше, нельзя увидеть в нём

что-либо другое, чем то, что он собой представляет. Не надо забывать: в его помещении короновали Наполеона, отпевали генерала де Голля...

2 мая Маяковский покинул Париж в одиночестве, не теряя надежды создать с Татьяной семью.

По уложенной брусчаткой мостовой проспекта Елисейских полей медленно иду в гуще прохожих. Иду в направлении к наполеоновской Триумфальной арке. Рассматриваю лица навстречу идущих: много чернокожих, желтокожих и много бледнолицых. Вот наши россияне. Также лет пятьдесят назад лёгкой походкой шла бледнолицая нимфа, покоровившая сердца многих знаменитых мужчин, Галя, Галя, Галья – русская девушка Елена Дьяконова, ставшая женой и музой сначала французского поэта Поля Элюара, а потом художника Сальвадора Дали. Галя! Но почему не Елена, как в паспорте? Так звала её мать в России, делая ударение на первом слоге.

Редким именем Гала называла её французская писательница Доменик Бона в вышедшей в 1994 году на русском языке одноимённой книге.

Чёрные глаза россиянки. Не в этом ли суть? Едва познакомившись с русской девушкой, семнадцатилетний поэт Поль Элюар до того вдохновлён был её глазами, что нашёл в них «свет манящий», «отблески старого золота».

К этому «портрету» добавлю — где-то читал, что Галья-Елена обладала одним из самобытнейших характеров. Взгляд её узких, поглощающих глаз, движение волевого рта... Некая часть её сущности была в убегании, в ускользании от всего, что не нравилось ей.

(Окончание следует.)